

Романы о бандитской любви

ВЛАДИМИР
КОЛЫЧЕВ

И ЖИЗНЬ МОЯ –
ВЕЧНАЯ ИГРА

МОСКВА
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К60

Колычев, Владимир Григорьевич.

К60 И жизнь моя — вечная игра / Владимир Колычев. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-102637-0

Тимофей Орлик — большой человек. Весь городок Заболонь в его руках, все схвачено, все под контролем. Потому как ведет он нескончаемую войну с конкурирующими бандами и с успехом отбивается от них. А ведь история повторяется. Много лет назад жил в Заболони далекий предок Орлика, который постоянно воевал с соседними князьками. Тогда был слышен посвист стрел, лязг мечей и звон кольчуг, а теперь — свист пуль да автоматные очереди. Вот и вся разница. Но того Орлика предала любимая, и попал он в полон. И у нашего Тимофея тоже есть любимая, которой он дорожит. Неужели старая история повторится снова...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Колычев В., 2019

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102637-0

ПРОЛОГ

Солнце светило и жарило так, что, казалось, выжгло все тени с улиц города. Но знойные лучи были далеко не так опасны, как ливни раскаленной стали из автоматических зенитных установок. Они обрушивались на дом, выносили окна, крошили, а местами даже дырявили стены. А с высоты соседних домов стреляли снайперы, пытаясь выбить из гвардейцев желание сопротивляться...

Июнь девяносто второго, спорный город Бендеры, усыпанный трупами перекресток улиц Первомайской и Калинина. Молдавские полицаи, румынские волонтеры против приднестровских гвардейцев, обороняющих дом в самом эпицентре боевых действий. Бронированные машины, «Шилки», орудия и минометы против двух десятков автоматов и нескольких «Мух».

Тимофей Орлик давно уже должен был быть у себя дома, в тихой и спокойной Рязанской области, пить водку и нежить баб в своей родной Заболони. Но ему было стыдно за больших начальников из русской армии, которые не решались помогать своим братьям-славянам, восставшим жителям Приднестровья. Поэтому после увольнения в запас он остался здесь, примкнул к национальным гвардейцам непризнанной республики. И снова бой, и хлыстом щелкают снайперские выстрелы, свистят пули, рвутся мины. Тротиловая гарь и едкая кирпичная пыль застилают глаза. Дефицит боезапаса и переизбыток боевого духа. Враг не пройдет...

Лето тысяча сто сорок четвертого года от Рождества Христова. Невыносимая жара, пыльные бури, бескрайние степи Дикого поля. Одно утешение — река Днестр: глубокие широкие воды, прохлада и освежающий ветерок, яркая зелень пойменных лугов. Избавиться бы сейчас от железных доспехов, раздеться бы догола и с головой уйти в глубь речной воды. Нужда в том есть, но нет возможности. До реки рукой подать, но со стороны степей на крепостную твердыню надвигается половецкая орда.

Лохматые кочевники на шустрых лошадаках, клубы пыли из-под копыт, гул, топот, крики. Но и русская дружина не молчит. Громко ударили бубны, взвыли трубы, засвиристели пищалки, загудели щиты под легкими набатными ударами мечей.

Заставу отстроили совсем недавно — ров еще не закончен, водой не залит, и ворота не успели укрепить. Но защитные стены достаточно прочные — толстые колья в два ряда, удобные и крепкие ярусы-помосты для стрелков и ратников. Кочевников раза в три-четыре больше, но их беда в том, что брать крепости они не приучены. Зато они превосходно пускают из луков зажженные стрелы и метают с руки горящие факелы. Они могут устроить пожар и сжечь заставу дотла.

Но половцев бояться — в степь не ходить. Русская дружина готова к бою. Лучники запустили в воздух тучу стрел, ратники закрылись щитами, ограждая себя от половецкого залпа.

Кочевники — меткие стрелки, их луки тугие, бьют далеко и сильно. Упал со стены один русский лучник, другой... Тимофей Орлик вовремя спрятал голову за щит, стрела просвистела рядом с левым ухом. Пронесло. Страх нет, уверенность в своих силах велика. Не первый год он в ратном деле. Глаз цепкий, рука быстрая и

крепкая, меч острый, из булатной стали. Он не простой ратник, он гридь киевского воеводы. У него есть лук, в колчане стрелы с калеными наконечниками, но стрелять ему нельзя — он обязан оберегать своего начальника, который стоит за его спиной, следит, как развивается сражение.

Воевода Третич со своей малой дружиной прибыл на заставу, чтобы усилить крепостную стражу. И прибыл вовремя. Только-только расположились, как появились команы — кочевники. Их много, но им не прорваться...

* * *

«Румыны» обстреляли дом из гранатометов, осыпали градом воющих мин, полоснули по стенам и окнам из «Шилки». Два зенитных снаряда влетели в оконный проем, возле которого, вжавшись в пол, лежал Тимофей — оба с визгом врезались в толстую плиту межэтажного перекрытия, попутно смахнув с потолка остаток люстры и выбив из него бетонную крошку. Острый маленький кусочек плиты больно царапнул ухо, но парень лишь облегченно вздохнул. Было бы куда страшней, если бы в комнату влетела осколочная граната. Но бог милостив...

Артобстрел закончился, в бой пошла пехота. Какие силы противник бросил в бой, Орлик не знал. У него своя позиция, у него свой сектор обстрела, за который он в ответе. В армии он служил в мотострелковом полку, участвовал в межклубных соревнованиях по стрельбе. И если цель попала в прицел его автомата... Тра-та-та! Первый готов... Тра-та-та-та!.. Второй «румын» схватился за простреленный бок, осел на колени. Добить его Тимофей не успел — боевик залег под прикрытие высокого бордюра вокруг цветочной клум-

бы. Да и некогда заниматься им, в секторе обстрела новая цель...

Он уложил третьего боевика, когда краем глаза уловил блик оптического прицела. Снайпер на чердаке противоположного дома. Лежать бы ему на полу, остывая, промедли он хотя бы долю секунды. Но Тимофей успел убрать голову до того момента, как стрелок нажал на спусковой крючок. Пуля влетела в оконный проем, чиркнув по откосу, к которому он только что прижимался. Едва-едва от смерти увернулся. Другого бы на его месте хватил шок. Но Тимофея охватила боевая эйфория. Он уцелел, потому что еще не отлита для него пуля. Он остался жить, потому что нет на свете силы, способной загнать его в гроб. Зато сам он сильный и смелый. Он создан для войны. Или война создана для него...

Он выпустил в сторону снайпера короткую очередь. Уверенности в том, что цель поражена, не было. Поэтому Тимофей сменил позицию — перебрался в другую комнату на своем этаже. Свое прибытие отметил несколькими очередями. И перебрался на новое место, чтобы не примелькаться... Он стрелял из автомата, бросал гранаты, затем по требованию командира спустился вниз, чтобы отбить атаку прорвавшегося в здание противника. Вел огонь, падал, поднимался, снова в бой... Ему везло. Его друзья-товарищи гибли под пулями, а он оставался в строю до тех пор, пока вражеская атака не захлебнулась.

Бой закончился, гвардейцы победили. Он радовался этому, но подспудно ему хотелось продолжения. Еще не иссякла его энергия, еще не улегся азарт, еще сверкали яростно глаза. Трупы, кровь, разруха, но это всего лишь атрибуты войны — жуткой, но притягательной в своей страшной красоте...

Конные стрелки подожгли вышки и постройки в крепости, посекали стрелами лучников на стенах. Отступили. Но только затем, чтобы уступить место пешим воинам. Кочевники бежали на крепость с диким воем, который должен был придать им боевого задора, а врага обратить в панику. Тимофей лишь посмеивался в ус, глядя, как они бегут на приступ, размахивая саблями и щитами. Но улыбка сошла с его лица, когда он увидел в их рядах длинные приставные лестницы. Одна, вторая, третья... А говорили, что кочевники не умеют брать крепости...

Зажженные стрелы и горячий ветер в лицо, за спиной черный дым разгорающихся пожаров. Пешие половцы все ближе, на стену падает одна лестница, за ней другая. Воевода Третич не остается в стороне, бросается в бой. И вместе с ним в гущу сражения врывается и Тимофей Орлик. Широкий замах, стремительный рубящий удар, и меч срезает с плеч вражью голову. Колющим ударом он сносит с лестницы второго половца — светловолосого синеглазого комана, могучего телом и духом. Он искал победу, а нашел погибель. Так будет и с другими...

Враг уже на стенах, на верхних помостах в жестокой сече звенят мечи и сабли. Враг теснит русских ратников, но там, где киевский воевода со своими гридями, там половцам раздолья нет, там рубят их гроздьями...

Тимофей бился до тех пор, пока не увидел, как забравшийся на вышку половец натягивает тетиву своего лука, направляя его на воеводу. Видно, что стрелок уверен в себе, вряд ли дрогнет его рука. А метит он в голову начальнику... Достать врага мечом Тимофей не мог, чтобы снять свой лук, не было времени. Поэтому пришлось закрыть воеводу своей грудью.

Добротная кольчуга, бронзовый нагрудник, казалось бы, стрела не может причинить вреда. Но каленый наконечник вонзился в железные кольца в узкий зазор меж нагрудными пластинами, пробил бронь, впился в плоть... Боли Тимофей не почувствовал, но голова закружилась так, что устоять на ногах он не смог. Пытаясь удержать меч в руке, он полетел вниз к земле. Меч был для него сейчас помехой, но никак не подспорьем. При ударе о землю он мог нанизаться на заостренное снизу яблоко рукояти. Но выронить меч из рук Тимофей не посмел. Настоящий воин умирает с оружием в руках...

ГЛАВА 1

Первые летописные упоминания о Заболони относятся к первой половине четырнадцатого века и свидетельствуют о том, что город был столицей мелкого удельного княжества, зависимого от Рязани. Впрочем, Тимофея Орлика мало волновало, сколько лет его родному городу. Главное, что он любил свою Заболонь. Каменный кремль с круглыми башнями, храмы с золотыми куполами, державные палаты, уютные старинные кварталы, чистые улицы, благожелательные люди...

Таким он помнил свой город, когда уходил в армию. Но прошло четыре года, и все изменилось. Тот же кремль, те же храмы, но улицы грязные, народ какой-то нервозный, раздраженный.

— Ну, чего встал посреди дороги! — набросился на него прохожий, аспидского вида мужичонка в старой болоньевой куртке и затрапезных штанах-трениках с раздутыми коленками.

Тимофей прошелся по нему невозмутимо-удивленным взглядом. Стоял ведь, никого не трогал, никому не мешал — на кремль смотрел, остроконечно вытянутыми башенками любовался. А тут такое...

— Давай в объезд, мужик!

Сам Тимофей находился в благодушном настроении. Поэтому даже в мыслях не возникло проучить мел-

копакостного злопыхателя. Но был он также далек и от того, чтобы посторониться.

— Что ты сказал?

Ни на йоту не сдвинулся с места Тимофей, но энергетическое движение его внутренней силы было настолько мощным, что мужичонка невольно попятился — из опасения быть раздавленным. Тявкнул как собачонка, но тут же сник, затравленно глянул на Тимофея, робко обошел его и был таков.

А Тимофей так и остался стоять. Непокрытая голова, темно-серый свитер с толстым воротом, камуфляжные штаны натовского образца, черные ботинки с высоким берцем, спортивная сумка, заброшенная за плечо. Свалянные русые волосы, широкоскулое славянского типа лицо, глубоко посаженные глаза, короткий нос, плотно сдвинутые губы. Рост метр восемьдесят, обхват плеч в маховую сажень, сильные руки, длинные выносливые ноги.

Домой он мог вернуться еще два года назад. Но после дембеля остался в Приднестровье, а затем ветер военной романтики унес его в Боснию, где он воевал на стороне сербов. Навоевался. С богатым боевым опытом и парой-другой тысяч дойчмарок вернулся домой. Здесь его ждут родители, здесь его ждет младшая сестра. И с друзьями бы он хотел повидаться. Сколько лет прошло, сколько зим...

Родители его работали на станкостроительном заводе, отец — фрезеровщик, мать — кладовщица. Не самые большие люди на производстве, и ценность их измерялась двумя комнатками в рабочей общаге, в которой они прожили всю свою семейную жизнь. В эту общагу и возвращался Тимофей.

Пролетарский район, окраина города, рабочие кварталы — пятиэтажные кирпичные дома вперемешку с мрачно-серыми коробками общежитий. Черно-белый

колорит. Но Тимофей не унывал. После разрухи, которую он повидал в Боснии, родные кварталы казались ему райским уголком на грешной земле.

Знакомый магазин с листом железа в витрине вместо стекла. Каким помнил его Тимофей, таким он и остался. Компания забулдыжных работяг со счастливыми лицами — у мужиков есть бутылка, и ничто не помешает им распить ее в заброшенном сквере у оврага. Ничто не помешает — ни мусульманская пуля, ни случайно залетевший снаряд. Тихо здесь, бестревожно. Но именно это и смущало Тимофея. Совсем недавно он так хотел безмятежного спокойствия, а сейчас оно уже угнетало его.

Общежитие завода, первый этаж для холостяков — здесь пост вахтера. Но смотрит служитель и за теми, кто следует на второй и третий этаж.

— Молодой человек, вы куда?

Тимофей остановился, с меланхолической улыбкой глянул на посмевшую побеспокоить его женщину. Под сорок лет, бабский платок на плечах, старая выцветшая кофта с расходящимися пуговицами. Слегка расплывшаяся фигура, большая грудь, полноватое, но приятное лицо, щеки в едва заметных сизых прожилках. Большие зеленоватые глаза — выразительные и привлекательные, и пахнет от нее хорошо.

— Домой, — нехотя сказал он. — Я с родителями здесь живу. На втором этаже. Орлик моя фамилия. Тимофей зовут.

— Орлик, Орлик... — задумчиво проговорила женщина. — Да, кажется, есть такой...

— Я пошел?

— Да, пожалуйста...

Она повернулась к нему спиной, но Тимофей ее остановил.

— А вы давно здесь работаете? — мягко, но без намека на искательные интонации спросил он.

- Год уже.
- А зовут как?
- Марина Евгеньевна. А что?
- Замужем?
- Ну ты, парень, даешь!

Тимофей внимательно посмотрел на нее, и на фоне возмущения заметил проблески интереса к себе.

— Значит, не замужем... Давно я здесь не был, забыл все. Ночью приду к тебе, расскажешь, что здесь да как...

— Приходи. А я милицию вызову! — съязвила она.

Но Тимофей и ухом не повел. Казалось, он уже и забыл о существовании этой женщины. Повернулся к ней спиной и поднялся на второй этаж.

Он знал, как нужно вести себя с женщинами. Грубить им ни в коем случае нельзя, но еще страшней — заискивать перед ними. У женщин первобытный нюх на слабости мужчин — стоит ей почувствовать хотя бы одну из них, как тут же где-то в глубинах ее сознания вспыхивает инстинкт порабощения самца. Если, конечно, самец ей нравится. Тогда она самопроизвольно включается в хитрую игру, чтобы подчинить себе мужчину. И это в лучшем случае. А в худшем, если самец не пришелся ей по нраву, в ней запускается механизм отторжения. Инстинктивно почувствовав свое превосходство над мужчиной, она без всякого зазрения совести дает ему от ворот поворот, возможно даже, в нецензурной форме. А если самец сильный, если он умеет подчинять себе людей, то женщина невольно потянется к нему. И тогда делай с ней что хошь. Но только осторожно, чтобы не переборщить. Женщины ведь народ непредсказуемый... Так учил Тимофея его друг и командир Лешка Зацепин. А уж он-то в свои тридцать пять годков знал толк в женщинах. И к гордым сербиянкам подход сумел найти, и Тимофея за собой повел — на женщин, по минному полю ошибок и разочарований. Были у не-

го победы на чужой земле, но случались и поражения, на которых он учился...

Дверь в комнату родителей была заперта. С работы еще не вернулись. Но сестра должна быть дома. Школа у нее до обеда, сейчас, наверное, уроки делает... Тимофей остановился как вкопанный. Улыбнулся про себя. Какие уроки? Надя еще в прошлом году закончила техникум. Она уже совсем взрослая девушка... Дверь во вторую комнату также была на замке. Но у Тимофея ключ от нее. Четыре года его при себе держал — и как талисман, и как напоминание о доме. Это их общая комната. В тесноте жили, но не в обиде.

Замок в двери был прежним — ключ легко провернулся в нем. Но обстановка в комнате слегка изменилась. Шкаф вплотную примыкал к стене, в то время как раньше он разделял комнату на две половины — на мужскую и женскую. Две кушетки — одна против другой. И обе застелены бельем. На спинке одной розовое полотенце, на другой — голубое. Две пары тапочек у дверей, женские, маленького размера. На тумбочках всякие женские штучки — заколки, расчески, платочки с цветочками. Похоже, Надя жила в комнате не одна, и явно не с мужчиной. Судя по всему, кроватью, которая по праву принадлежала Тимофею, пользовалась какая-то женщина. Впрочем, это ничуть его не расстроило. Главное, что он дома, и на улице ночевать не придется. Хотя он мог бы и на улице, прямо на земле. Апрель месяц на дворе, снег уже сошел, дождей нет — сухо.

Но лучше, конечно, спать на теплой кровати. Можно поверх покрывала. Можно прямо сейчас... Тимофей сначала сел на кушетку, затем уложил голову на подушку. Засыпая, подобрал под себя ноги...

Проснулся он от толчка в плечо. И тут же над ухом сиреной взвыл женский голос:

— Тимоха приехал!